

*Читающие книгу эту, знайте:
С бесстрашием читая, все поймете;
Себя напрасно в краску не вгоняйте:
Заразы злостной здесь вы не найдете.
И совершенства в ней не ожидайте
Особого, — хоть тут не без смешного. —
Не подбрать мне довода иного
Среди мучительных терзаний века:
Доступней смеху, а не плачу слово,
Затем что смех есть свойство человека!*

***Повесть
об ужасающей жизни
великого Гаргантюа,
отца Пантагрюэля,***

*некогда сочиненная магистром
Алькофрибасом Назье,
извлекателем квинтэссенции*

Книга, полная пантагрюэлизма

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Блистательнейшие пьяницы и вы, изысканнейшие венерики (ибо вам, а не кому другому посвящаются мои писания): Алкивиад в диалоге Платона, под названием «Пир», восхваляя своего наставника Сократа, бесспорного князя среди философов, сравнил его между прочим с «силенами». Силенами назывались когда-то ларчики вроде тех, которые нынче встречаются в лавках аптекарей; сверху на них нарисованы всякие веселые и потешные изображения: гарпии, сатиры, гуси с уздечкой, зайцы с рогами, утки под вьюком, козлы с крыльями, олени в упряжке и разные другие картинки, придуманные для того, чтобы возбуждать смех у людей (этого рода свойством отличался Силен, учитель доброго Бахуса); зато внутри этих ларчиков сберегали тонкие снадобья: мяту, амбру, амом, мускус, цибет, порошки из драгоценных камней и другие вещи. Именно таким, по словам Алкивиада, и был Сократ, потому что, взглянув на него снаружи и оценив по внешности, вы за него не дали бы и луковицы, — так некрасив он был телом и забавен на вид: нос острый, взгляд бычий, лицо глупое, обхождение простецкое, одежда грубая, достатка у него не было, в женщинах был он неудачлив, не способен ни к какой службе; все-то он смеялся и пошучивал, скрывая свое божественное знание. Но откройте этот ларец — и вы найдете внутри небесное, неоценимое снадобье: разумение сверхчеловеческое, добродетели изумительные, мужество непобедимое, трезвость несравненную, довольство стойкое, твердость

совершенную и невероятное презрение ко всему, из-за чего люди столько стараются, суеются, работают, плавают и воюют.

К чему, по вашему мнению, клонится мое предисловие и предварение? А к тому, что вы, мои добрые ученики и прочие бездельники, читая веселые заголовки некоторых книг моего сочинения вроде «Гаргантюа», «Пантагрюэль», «Феспент», «О достоинствах гульфиков», «Горошек в сале с комментариями»¹ и т. п., слишком легко заключаете, будто в этих книгах говорится только о нелепостях, глупостях и веселых небылицах, то есть вы, судя по одному лишь внешнему признаку (иначе говоря, по заголовку), не подумав как следует, обычно начинаете смеяться и потешаться. Но можно ли с таким легкомыслием судить о делах человеческих? Ведь сами же вы говорите, что «не платье делает человека монахом», что «есть, мол, люди, которые, несмотря на монашеское одеяние, отнюдь не монахи» и что «иному молодцу, ходящему в испанском плаще, по своей храбрости далеко до испанца». Вот почему вам следует раскрыть эту книгу и старательно продумать, что в ней написано. Тогда вы увидите, что снадобье, в ней заключенное, совсем другого качества, чем обещал ларец, а предметы, в ней излагаемые, совсем не столь глупы, как можно было подумать по заглавию.

Если вы даже найдете, что буквальный смысл книги весьма забавен и вполне соответствует ее названию, то и тогда не увлекайтесь этим, словно пением сирен, а постарайтесь истолковать в высшем смысле то, что кажется вам сказанным в простоте сердца.

Случалось вам когда-нибудь откупоривать бутылку? Черт подери! вспомните, сколько удовольствия вы получили при этом.

Видели вы когда-нибудь пса, нашедшего мозговую кость? Это, как говорил Платон (см. кн. 2-ю «О госу-

дарстве»), самое философское в мире животное. А если видели, то могли заметить, с каким благоговением он ее сторожит, с какой заботой охраняет, с каким жаром ее держит, как осторожно раскусывает, с какой любовью разгрызает, как тщательно высасывает. Что заставляет его делать это? На что он надеется от своих стараний? Какого блага он ищет? Ничего, кроме капельки мозга. Правда, эта капелька слаще, чем многое другое, ибо мозг, по словам Галена, есть наисовершеннейшая пища, изготовленная природой.

По примеру этого пса вам следует стать мудрецами и уметь вынюхать, прочувствовать и оценить эти прекрасные лакомые книги, следует стать мудрецами в преследовании и смелыми в нападении, а потом, после тщательного чтения и зрелого размышления, разломать кость, высосать оттуда мозговую субстанцию — то есть то, что я разумею под этим пифагорейским символом, — в твердой надежде сделаться благодаря чтению более разумнее и сильнее; ибо в нем вы найдете удовольствие особого рода и учение самое сокровенное, которое введет вас в высочайшие таинства и ужасающие мистерии, относящиеся как к нашей религии, так и к области политики и экономики.

Неужели вы думаете, что Гомер, написавший некогда «Илиаду» и «Одиссею», думал о тех аллегориях, которые выискали в них Плутарх, Гераклит, Понтик, Евстафий, Форнута и которые Полициано украл у этих последних?

Если вы это думаете, то вы ни на волос не приблизитесь к моему мнению, согласно которому Гомер так же мало помышлял об этих аллегориях, как и Овидий в своих «Метаморфозах» не принимал в соображение христианских таинств, а между тем брат Лубен², истинный лизоблюд, силился было доказать обратное, но он нигде не встретил олухов вроде себя, или, говоря словами поговорки, «не нашел крышки по котелку».

Если же вы этого не думаете, то где же основание, мешающее вам применить вашу точку зрения к моим новым веселым повествованиям, хотя при работе над ними я думал о них не больше, чем вы, а вы, наверное... умеете выпить не хуже, чем я?

Дело в том, что на сочинение этой знатной книги я потерял и употребил только то время, какое мне полагается для моей трапезы, то есть для еды и питья. Это самое подходящее время для писания о таких высоких материях и глубоких вопросах, что отлично понимал уже Гомер, образец всех филологов, и Энний, отец латинских поэтов, как об этом свидетельствует Гораций, хотя какой-то невежда выразился, что от его стихов скорее пахнет вином, чем елеем.

Один оборванец сказал то же самое и про мои книги; ну и черт с ним! Запах вина куда вкуснее, веселее, ценнее, нежнее и небеснее запаха елея! И я так же возгоржусь, когда про меня скажут, что на вино я трачу больше, чем на масло, как Демосфен, который гордился, когда про него говорили, что он на масло тратит больше, чем на вино. Честь мне и слава, если про меня говорят, что я хороший товарищ и собутыльник; при такой славе я всегда желанный гость в каждой доброй компании пантагрюэлистов.

Демосфена один придира попрекнул тем, что от его речей пахнет, как от фартука грязного торговца, маслом. Однако прошу вас толковать мои поступки и речи в самую лучшую сторону и возыметь уважение к моему пищеносному мозгу, питающему вас этими милыми пустячками, и по мере сил ваших поддерживать во мне веселое настроение.

Итак, забавляйтесь, друзья, и веселите себя этим чтением, телу на удовольствие, почкам на пользу! Только слушайте, бездельники, — не забудьте за меня выпить, а уж за мной дело не станет!

О происхождении и древности рода Гаргантюа

Я отсылаю вас к великой Пантагрюэльской хронике для ознакомления с происхождением и древностью рода, от коего произошел наш Гаргантюа. Из нее вы более пространно узнаете, как первые великаны зародились на этом свете и каким образом по прямой линии от них произошел отец Пантагрюэля, Гаргантюа; вы не сердитесь, если я теперь отклонюсь от этой истории, хотя она такова, что чем чаще ее вспоминать, тем она больше будет нравиться вашим милостям. Это подтверждено авторитетом Платона в «Филебе» и «Горгии», а также Флакка, который говорит, что есть такие речи (таковы, без сомнения, и мои), которые тем усладительнее, чем чаще их повторяют.

Дай бог, чтобы каждый знал с такой достоверностью свою родословную от Ноева ковчега и до наших дней! Думаю, что сейчас много на земле императоров, королей, герцогов, князей и пап, произошедших от каких-нибудь продавцов индульгенций и носильщиков корзин, и, наоборот, немало больных и жалких нищих в странноприимных домах ведут свое происхождение по прямой линии от великих королей и императоров, если принять во внимание изумительный закон смены великих империй:

От ассириян к мидянам,
 От мидян к персам,
 От персов к македонянам,
 От македонян к римлянам,
 От римлян к грекам,
 От греков к французам.

А чтобы дать вам представление о том, кто я такой, скажу, что я, видимо, происхожу от какого-нибудь богатого короля или владыки давнопрошедших времен, потому что вряд ли вы когда-нибудь видели человека,

который сильнее меня желал бы стать богатейшим королем, чтобы задавать пиры, не работать, ни о чем не заботиться и делать богатыми своих друзей и всех достойных и ученых людей.

Но я утешаю себя соображением, что на том свете я стану королем, и даже таким, каким мне сейчас трудно было бы себя представить. Утешайте же и вы себя в несчастье такими же или еще лучшими мыслями и пейте на здоровье, если пьется.

«Возвращаясь к нашим баранам»³, скажу вам, что высокая милость Неба сберегла для нас родословную Гаргантюа с древнейших времен в более полном виде, чем всякая другая, за исключением одной лишь родословной Мессии, о которой я не говорю, потому что это меня не касается, к тому же и черти (я хочу сказать: клеветники и лицемеры) противятся этому. Эта родословная была найдена Жаном Одо на лугу, которым он владел, близ Голо, пониже Олив, по направлению к Нарсэ. Роя по его приказу канавы, землекопы наткнулись мотыгами на обширный бронзовый склеп бесконечной длины, ибо конца его не нашли: он заходил далеко за плюзы реки Вьенна. Вскрыв его в одном месте, отмеченном сверху кубком, вокруг которого шла надпись этрусскими буквами: «*Здесь питье бывает*» («*Nic bibitur*»), нашли девять фляг в таком порядке, в каком ставят гасконские кегли. Средняя из них прикрывала не то толстую, не то жирную, не то большую, не то серую, не то красивую, не то маленькую заплесневелую книжку, пахнувшую сильнее, но не лучше, чем розы.

В книжке была найдена вышеупомянутая родословная, сплошь написанная канцелярскими литеррами, но не на бумаге, не на пергаменте и не на вощенной дощечке, а на вязовой коре, настолько попорченной от старости, что едва можно было различить следы букв.

Я, хотя и недостойный, был вызван туда и с помощью очков, приложив искусство чтения невидимых

букв, как учит Аристотель, разобрал их все, как вы сами сможете увидеть, пантагрюэльствуя, то есть в меру выпивая, и читая про ужасающие подвиги Пантагрюэля.

В конце книги находился небольшой трактат, озаглавленный «Противоядие от безделья». Крысы, тараканы или (чтобы не соврать) другие зловредные животные отгрызли начало истории. Остальное я прилагаю здесь, из уважения к древности документа.

ГЛАВА II

Здесь приводится стихотворение в 112 строк, заполняющее всю главу, очень сложное по конструкции и темное по смыслу.

ГЛАВА III

Как Гаргантюа одиннадцать месяцев пребывал во чреве матери

В свое время Грангузье⁴ был большой весельчак, любивший выпить до дна, как и всякий человек во дни оны, и закусить чем-нибудь соленьким. Для этого у него обыкновенно хранился большой запас окороков, и майнцских и байоннских, порядочно — копченых бычьих языков, множество колбас (по сезону), солонины с горчицей, подкреплений в виде икры, сосисок, но не булонских (потому что он боялся ломбардских пилюль), а из Бигорры, Лонконэ, Брэнны и Руарги. Уже в зрелом возрасте он женился на Гаргамели, дочери короля парпальонов, красивой и здоровой девице, и часто вдвоем они изображали животное о двух спинах и весело терлись друг о друга, так что жена зачала превосходного сына и носила его до одиннадцатого месяца.

Ведь женщины могут носить во чреве такой срок и даже больше, особенно если дело идет о какой-нибудь выдающейся личности, коей предстоит в свое время

совершить героические подвиги; Гомер говорит, что младенец, которым наградила нимфу Нептун, родился по истечении года, то есть на двенадцатом месяце. Ибо, как говорит в книге III Авл Геллий, величию Нептуна вполне соответствовал этот столь продолжительный срок, дабы его младенец сформировался в совершенстве. По такой же причине Юпитер продлил до сорока восьми часов ночь, проведенную им с Алкменой, ибо в меньшее время он не смог бы выковать Геркулеса, очистившего мир от чудовищ и тиранов.

Господа древние пантагрюэлисты подтверждают сказанное мной и объявляют не только возможным, но и законным ребенка, которого родит женщина на одиннадцатом месяце после смерти своего мужа. См.:

Гиппократ, кн. «О кормлении».

Плиний, кн. VII, гл. V.

Плавт в «Ларчике».

Марк Варрон в сатире «Завещание», со ссылкой на авторитет Аристотеля по этому вопросу.

Ценсоринус, «О дне рождения».

Аристотель, кн. VII, гл. 3 и 4, «О природе животных».

Геллий, кн. VII, гл. 16.

Сервий в «Эклогах», при толковании стиха Вергилия «Десять месяцев ей (то есть *матери*) принесли»...

и многие другие безумцы, число коих возрастет, если к ним прибавить законников: см. «Дигесты», § 13 «О сыновьях собственных и законных, законом признаваемых»; а также «О восстановлении в правах родившегося на одиннадцатом месяце».

Сверх того, о том же нацарапал свой оголтелый закон Галл («О детях и потомках...» и в книге седьмой «О состоянии людей...») и некоторые другие, кого я теперь назвать не решаюсь.

Применяя такие законы, вдовушки могут вполне свободно предаваться всюю любовным утехам целых

два месяца после кончины супруга. Покорнейше прошу вас, добрые товарищи, если повстречаете таких, из-за которых стоит раздеться, действуйте и приводите ко мне. Ведь если они забеременеют на третьем месяце, то ребенок будет считаться наследником умершего, а раз забеременеют, то смело продолжают дальше: дорога свободна, раз чрево полно.

Юлия, дочь императора Октавиана, отдавалась своим барабанщикам только тогда, когда чувствовала себя беременной, подобно тому как и судно требует лоцмана не раньше, чем оно проконопачено и нагружено.

А если кто упрекнет их за то, что они позволяют себя штопать во время беременности, имея в виду, что самки животных в таком положении ни в коем случае не подпустят самцов, они ответят, что одно дело самки, а другое — женщины, которые превосходно понимают веселые преимущества излишеств.

ГЛАВА IV

Как Гаргамель, носившая Гаргантюа, объелась потрохами

Каким образом и при каких обстоятельствах Гаргамель родила — следует ниже, а если не верите, то пусть у вас кишка выпадет. У нее кишка выпала третьего февраля, после обеда, за которым Гаргамель съела слишком много потрохов. Потроха — это внутренности откормленных волов, то есть таких волов, которые жиреют, кормясь в хлеву и на заливных лугах.

Таких именно жирных быков зарезали 367 014 штук, с целью засолить их во вторник на первой неделе поста и иметь весной достаточный запас мяса по сезону, чтобы в начале обеда, приложившись к соленью, получше выпить. Потрохов получилось, как сами понимаете, достаточно, и таких вкусных, что каждый пальчики облизывал. Но дьявольски плохо было то,

что их нельзя было долго хранить, потому что они уже портились, а это скверная штука! Поэтому было решено пожрать все, чтобы ничего не пропало. Для этого пригласили всех жителей Синэ, Сюилье, Ла-Рош-Клермо, Вогодре, не забыв и Ле-Кудрэ, Монпасье, Гедде-Вед и других соседей. Все это были мастера выпить, славные ребята, любители приналечь на кеглю. Добряк Грангузье получил от этого превеликое удовольствие и приказал, чтобы всего было вдоволь.

Все-таки он говорил жене, чтобы та ела поменьше, ввиду приближения срока, и что эти потроха не очень-то хорошая еда. «Кто ест много кишок, — говорил он, — тот, видно, охоч до того добра, что в кишках бывает». Незвирая на эти предостережения, Гаргамель съела этих кишок шестнадцать больших бочек, две малых да шесть горшков. Зато и раздулись кишки у ней!

А после обеда все гурьбой повалили в Сольсэ и там на густой траве плясали под звуки веселых флажолетов и нежных волюнок — так весело, что прямо небесной отрадой было смотреть, как они забавлялись.

ГЛАВА V

Разговоры в подвыпитии

Вся глава состоит из длинного ряда (по первому впечатлению бессвязных, но в сущности вполне согласованных между собой) реплик, дающих сочные словесные характеристики анонимных участников пиршества. К развитию фабулы эти разговоры прямого отношения не имеют.

ГЛАВА VI

Каким странным образом родился Гаргантюа

В то время как гости обменивались пьяными прибаутками, у Гаргамели начались боли в животе, и Грангузье поднялся с травы и стал учтиво успокаивать ее,

думая, что это родовые боли; он уверял ее, что, танцуя на траве, она стоптала свои копытца и что поэтому у нее скоро отрастут новые ноги; что ей надо вооружиться новым мужеством в ожидании появления крошки. Хотя боль будет и очень неприятная, но она не долго продлится; зато радость, что придет ей на смену, уничтожит горечь боли, так что даже и воспоминания о ней не останутся.

— Я докажу тебе это, — говорил он. — В Евангелии от Иоанна, глава шестнадцатая, наш Спаситель говорит: «Женщина, когда рождает, скорбит, но, когда родит младенца, о скорби своей забывает».

— Право, — сказала она, — вы очень хорошо говорите; я предпочитаю слушать эти евангельские тексты, а не Житие святой Маргариты⁵ или другие ханжеские Жития.

— Не бойся, моя ярочка, поспеши с этим, а там вскоре мы с тобой сделаем другого.

— О, — сказала она, — вам, мужчинам, легко говорить; с Божьей помощью я уж потружусь ради тебя. Но дал бы Бог, чтобы вам его отрезали.

— Что? — сказал Грангузье.

— О, — сказала она, — как вы простодушны! Вы отлично понимаете.

— Ну, если вам угодно, велите принести нож.

— Нет, — сказала она, — не дай бог! Прости меня, Господи! Я ведь так только болтнула, не придавайте моим словам значения. Но мне сегодня придется помучиться, если Бог не поможет, и все ведь из-за вашего удовольствия...

— Мужайтесь, милая! — сказал он. — Не беспокойтесь ни о чем: главное уже сделано. Пойду выпью еще чего-нибудь. Если в это время вам будет больно, я буду близко. Хлопните в ладоши, я сейчас прибегу.

Немного погодя Гаргамель начала вздыхать и жалобно кричать. Тотчас гурьбой сбежались отовсюду

повитухи и, ощупывая ее снизу, нашли обрывки какой-то кожи прескверного запаха; они подумали, что это ребенок, но это была прямая кишка, которая у нее выпала благодаря ослаблению, происшедшему оттого, что Гаргамель, как сказано выше, объелась потрохами.

Поэтому одна препоганая старуха-бабка, пользовавшаяся славой великой лекарки, выслившаяся из Бризнайля, близ Сен-Жену, лет за шестьдесят до этого, дала роженице такого вяжущего средства, что у той совсем сжались и стянулись кишки, так что (страшно подумать!) их едва ли смогли бы растянуть даже зубами, то есть вышло бы это не лучше, чем у дьявола на мессе св. Мартина⁶, ибо нечистый так и не сумел вытянуть зубами пергамент, на котором он записал болтовню двух бабенок.

Благодаря такому печальному случаю получилась вялость матки; ребенок проскочил по семяпроводам в полую вену и, вскарабкавшись по диафрагме до плечей, где вена раздваивается, повернул налево и вылез через левое ухо.

Едва родившись, он не закричал, как другие младенцы: «Уа!» — но громким голосом заорал: «Пить, пить, пить!» — будто всех приглашал выпить.

Я подозреваю, что вы не верите такому странному рождению. Если не верите, мне до этого дела нет; но порядочный и здравомыслящий человек верит во все, что ему говорят и что написано. См. «Притчи Соломоновы», гл. XIV: «Невинный верит каждому глаголу»; св. апостола Павла «Первое послание к коринфянам», гл. XVIII: «Милостивец верит всякому». Почему же вы не верите? Никакой видимости правды, — скажете вы. Я же вам скажу, что именно по этой причине вы и должны верить совершенной верой: ибо сорбонисты говорят, что вера есть «вещей обличение невидимых».

Разве противоречит этот случай нашей религии, закону, разуму и Священному Писанию? Что до меня, я не нахожу в Святой Библии ничего, что бы противоречило этому. Но если Бог так хотел, то ведь не скажете же вы, что Он не мог этого сделать? О, прошу вас, никогда не смущайте своей души подобными суетными мыслями, ибо, говорю вам, для Бога нет ничего невозможного, и если бы Он захотел, то все женщины рожали бы детей через уши. Разве не родился Вахх из бедра Юпитера? Роктальяд — из пятки своей матери? Крокмуш — из туфли кормилицы? Разве Минерва не родилась через ухо из Юпитерова мозга? А Адонис — из коры миррового дерева? Кастор и Поллукс — из яйца, снесенного Ледой? Но вы еще более были бы поражены и изумлены, если бы я сейчас целиком прочитал вам главу из Плиния, в которой говорится о странных и противоестественных случаях рождения. А я, во всяком случае, не такой самоуверенный вун, каким был он. Почитайте седьмую книгу его «Натуральной истории», гл. III, и не морочьте мне головы.

ГЛАВА VII

Как Гаргантюа был наречен своим именем и как он принялся тянуть вино

Добрjak Грангузье, развлекаясь и бражничая с друзьями, услышал страшный крик, который испустил его сын, выходя на этот свет: «Пи-ить, пи-ить, пи-ить!» — «Ну и здоровая же у тебя глотка! — сказал он. — Ке гран тю а!»

Присутствовавшие, услышав это, сказали, что ребенок должен получить имя Гаргантюа, по первому слову, сказанному отцом при его рождении, — согласно обычаю и примеру древних евреев. Отец на это согласился, матери имя тоже очень понравилось. А чтобы

успокоить младенца, ему дали вдоволь испить вина, снесли в купель и окрестили по доброму христианскому обычаю.

Затем из Понтиля и Бремона было выделено 17 913 коров, чтобы кормить его молоком, ибо во всей стране нельзя было найти подходящей кормилицы, учитывая количество молока, потребное для его питания; хотя иные ученые доктора из числа скоттистов⁷ и утверждали, будто выкормила Гаргантюа его мать и что она могла извлечь из своих сосцов 1402 пипы⁸ и девять горшков молока за один раз (что совсем неправдоподобно), — тем не менее такое предположение было объявлено озорным в отношении сосцов, оскорбительным для благочестивых ушей и отдающим ересью.

Таким образом, прошел год и десять месяцев, и с той поры по совету врачей младенца начали вывозить, для чего была приготовлена прелестная колясочка с быками в упряжке, изобретенная неким Жаном Денио. В этой коляске младенца весело катали туда и сюда, и приятно было на него смотреть, потому что у него было славное личико (чуть ли не восемнадцать подбородков!) и кричал он очень редко, зато пачкался ежедневно, ибо был удивительным флегматиком в отношении стула как по своей натуральной комплекции, так и от случайных обстоятельств, а именно — от чрезмерного пристрастия к соске с «сентябрьским соком»⁹. Впрочем, он и капли не пил без причины, ибо, когда он бывал раздосадован, рассержен или огорчен, когда он топал ногами, плакал или кричал, поднесенное ему питье приводило его в чувство и он опять был спокоен и весел.

Одна из его нянюшек говорила мне, клятвенно подтверждая это, что он настолько привык к этому обычаю, что при одном звоне пинт и фляг приходил в экстаз, как будто предвкушая радость рая. Поэтому все

нянюшки из уважения к этой божественной склонности, желая развеселить его поутру, стучали ножами по стаканам, или же пробками по бутылкам, или, наконец, крышками по кружкам, и при этих звуках он радовался, весь дрожал и, покачивая головой, сам качался в люльке, наигрывая пальцами и баритонально попукивая.

ГЛАВА VIII

Как одели Гаргантюа

В этом же возрасте для ребенка были заказаны отцом одежды фамильных цветов: голубого с белым. Над ними потрудились, и они были скроены и сшиты по тогдашней моде. В древних актах, сохранившихся в счетной палате, я нахожу, что он был одет нижеследующим образом:

На рубашку его пошло 900 локтей полотна из Шателъро и еще 200 на квадратные ластовки, которые подшили под мышками. Рубашка была без сборок, потому что рубашки в сборку были изобретены только тогда, когда белошвейки, изломав кончики иглоков, стали работать другим концом. Для куртки взяли 813 локтей белого атласа, а для шнуровки — $1509\frac{1}{2}$ собачьей шкурки: в это время как раз стали прикреплять штаны к куртке, а не куртку к штанам, ибо последнее, как подробно доказал Оккам в примечаниях к трудам Отшоссада¹⁰, противоестественно. На штаны взяли $1105\frac{1}{3}$ локтя белой шерстяной материи; скроили их в форме колонн, с ложбинками и выемками на заду, дабы не разгорячать почек. Насколько было нужно, снизу был подпущен клином голубой дамаасский шелк. Заметьте, что ляжки у мальчика были сами по себе очень красивы и вполне пропорциональны.

На гульфик его штанов пошло $16\frac{1}{4}$ локтя такого же сукна, причем он был сшит в виде дуги, живописно

прикрепленной двумя красивыми пряжками с двумя эмалевыми крючками; в каждом из них был вправлен изумруд величиной с апельсин. Этому камню, по словам Орфея («Книга о камнях») и Плиния (см. книгу последнюю), свойственно возбуждать и укреплять естественный орган. Выступ гульфика — длиной локтя полтора — был подшит голубым шелком.

Глядя на красивое золотое шитье гульфика и изящное ювелирное плетение, отделанное настоящими бриллиантами, рубинами, бирюзой, изумрудами и персидскими жемчугами, вы сравнили бы его с прелестным рогом изобилия, изображенным на античных предметах вроде тех, что богиня Реа подарила двум нимфам, Адрастее и Иде, вскормившим Юпитера. Рог изобилия — вечно нарядный, сочный, свежий, вечно зеленеющий, вечно цветущий, вечно плодоносящий, полный соков, полный цветов, плодов и всевозможных усад. Бог свидетель, он был великолепен, этот гульфик!

Но я расскажу о нем гораздо больше в своей книге «О достоинствах гульфиков». Об одном только скажу наперед: если гульфик был длинен и широк, то и внутри был снабжен соответственно и ничуть не походил на лицемерные гульфики повес-приставал, наполненные только ветром, к великому ущербу для женского пола.

На его башмаки пошло 406 локтей ярко-голубого бархата; его тщательно разрезали на параллельные полосы и скрепили в виде двух одинаковых цилиндров. На подошвы употребили 1100 шкур коров темной масти, причем носки у башмаков были заострены.

На камзол пошло 1800 локтей синего бархата, очень яркого, с вышитыми вокруг прелестными виноградными лозами, а посередине — с кружками из серебряной канители, оплетенными золотыми кольцами и мно-

жеством жемчуга. Этим хотели отметить, что в свое время он будет хорошим пьяницей.

Пояс ему сшили из $300\frac{1}{2}$ локтя шелковой саржи, наполовину белой и наполовину (если не ошибаюсь) голубой.

Шпага его была не из Валенсии, а кинжал — не из Сарагосы, потому что его отец ненавидел омаврита-нившихся чертей, налитых вином идальго; но у него была прекрасная деревянная шпага и кинжал из смаз-ной кожи, раскрашенные и позолоченные, как всякий бы, пожалуй, захотел.

Кошелек его был сделан из слоновой кожи, подаренной ему Гером Праконталем, ливийским прокон-сулом.

На его плащ пошло 9600 (без двух третей) локот-ков синего бархата, затканного по диагонали золо-тыми фигурами. От этого, при иных поворотах, про-исходил изумительный перелив цветов, как на шее у горлинки, что в высшей степени услаждало глаза смотрящего.

На шляпу пошло $302\frac{1}{2}$ локтя белого бархата; форма ее была широкая и круглая, по объему головы, потому что отец его говорил, что шляпы испанского образца приносят несчастье их гололобым владель-цам.

Прекрасное голубое перо гигантской водяной пти-цы, имеющей голос осла, обитательницы пустынь Гир-кании, свешивалось чрезвычайно изящно в виде сул-тана над правым ухом.

Кокарда его, из золотой дощечки, весившей 68 фун-тов, имела соответствующее эмалированное изобра-жение, на котором был представлен человек с двумя головами, обращенными друг к другу, с четырьмя ру-ками, четырьмя ногами и двумя задями, ибо такова, по словам Платона в «Пире», была природа человека при

его мистическом возникновении. Вокруг этой фигуры шла надпись древнегреческими буквами:

Н АГАПН ОΥ ΖΗΤΕΙ ΤΑ ΕΑΥΤΗΣ¹.

Для ношения на шее у него была золотая цепь, весом в 25 063 золотых марки¹¹, сделанная в форме крупных ягод, между которыми висели большие драконы из зеленой яшмы, в золотом ореоле лучей и блесков, как некогда носил царь Некепсос. Цепь эта спустилась до верха живота, благодаря чему Гаргантюа всю жизнь имел некоторые преимущества, известные греческим врачам.

Для перчаток были пущены в дело шестнадцать кож с домовых, а для опушки их — три вурдалачьи кожи. Из этого материала они были приготовлены по предписанию каббалистов из Сенлуанда.

Из перстней у него были (отец хотел, чтобы он их носил и тем самым восстановил старинное отличие знати): на указательном пальце левой руки — карбункул размером со страусиное яйцо, в тонко сделанной оправе из чистого золота; на безымянном пальце той же руки — перстень из чудесного, никогда еще невиданного сплава четырех металлов — сплава, в котором сталь не порочила золота, а серебро не затмевало меди. Все это было сделано капитаном Шаппюи и Алькофрибасом¹², его поверенным. На безымянном пальце правой руки красовался перстень в форме спирали, и в нем были вправлены бледный рубин, остроконечный бриллиант и изумруд из Физона, стоимости неопределимой. Ибо Ганс Карвель, великий ювелир короля Мелинды, их ценил в 69 894 018 длинношерстных баранов¹³, и во столько же оценивали их аугсбургские Фугтеры¹⁴.

¹ То есть: «Любовь не взыскует своя». См.: апостол Павел «Первое послание к коринфянам», гл. VIII.

О цветах и ливрее Гаргантюа

Цветá Гаргантюа были белый и голубой, как вы могли прочесть выше; этим отец его хотел намекнуть, что сын был для него небесной радостью, так как белый цвет означал для него радость, удовольствие, усладу и веселье, а голубой — нечто небесное. Я хорошо понимаю, что, читая эти слова, вы посмеетесь над старым пьяницей и найдете такое толкование цветов чересчур грубым и нелепым, вы скажете, что белый цвет означает веру, а голубой — твердость. Однако ответьте мне без волнения, раздражения, горячки и гнева (времена ведь теперь у нас опасные!), ответьте, если только вам этого хочется. Никакого принуждения я не употреблю ни по отношению к вам, ни к кому бы то ни было и скажу вам сейчас одно лишь особое *бутылочное* словечко.

Что так волнует вас? Что вас колет? Кто вам сказал, что белый цвет означает веру, а голубой — твердость? Некая, скажете вы, мохом поросшая¹⁵ книга, продающаяся у офеней и бродячих торговцев под названием «Гербовник цветов». Кто ее сочинил? Кто бы он ни был, но он поступил осторожно, не проставив на ней своего имени. Впрочем, я не знаю, чему в нем больше удивляться: самомнению или глупости?

Конечно, *самомнению*, потому что автор, без всякого основания и причины, одним своим личным авторитетом, осмелился предписать, как следует толковать цвета; такая повадка бывает у тиранов, которые желают, чтобы их произвол заменял рассудок, а не у людей мудрых и ученых, представляющих читателям убедительные доводы; если только не *глупости*, потому что сочинитель воображает, что без всяких доказательств и достаточных оснований люди будут сочинять себе девизы, руководствуясь его вздорными предписаниями.

Действительно (как говорит пословица: «Навоз не далеко от того, кого слабит»), он нашел таких простофиль (сохранившихся еще от времен высоких колпаков), которые уверовали в его писания и, накроив по ним изречений и сентенций, поспешили разукрасить ими сбруи своих мулов, одежду пажей, напечатать их на разноцветных штанах, вышить на перчатках, выткать на пологих постелей, намалевать на гербах, превознести в песнях и (что хуже всего) исподтишка подстроить с их помощью немало гнусных штучек иным целомудренным матронам.

Вот в каких потемках заблудились наши безмозглые модники и пустозвоны. Желая взять в качестве девиза *надежду*, они велят начертать *одежду*; *разбитая банка* идет вместо *краха банка* и т. д. Все это такие неудачные, избитые, грубые и плоские омонимы, что надо бы пришивать лисий хвост к воротнику и надевать из коровьего золота маску на всякого, кто впредь будет пользоваться такими вещами во Франции, после восстановления изящной литературы.

Совсем иначе поступили некогда египетские мудрецы, пользовавшиеся письменами, называвшимися «иероглифы». Знаки эти понимали только те, кому были доступны свойства, особенности и природа вещей, ими изображавшихся. Об этом Гор Аполлон написал по-гречески две книги, а Полифил¹⁶ еще более пространное сочинение «О любовных сновидениях». Во Франции образец эмблемы подобного рода вы найдете в девизе г-на Адмирала, первоначально принадлежавшем Октавиану Августу.

Но пусть мой парус не несет моего судна вперед между таких опасных стремнин и мелей: я возвращаюсь, чтобы войти в гавань, из которой вышел. Надеюсь когда-нибудь пространней написать об этом и доказать (как философическими доводами, так и путем ссылок

СОДЕРЖАНИЕ

Повесть об ужасающей жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля	7
Пантагрюэль, король жаждущих, в его подлинном виде, с его ужасающими деяниями и подвигами.	137
Третья книга героических деяний и речений доброе Пантагрюэля.	251
Четвертая книга героических деяний и речений доброе Пантагрюэля.	397
Пятая, и последняя, книга героических деяний и речений доброе Пантагрюэля.	543
Примечания. <i>Б. А. Кржевский</i>	664

Рабле Ф.

Р 12 Гаргантюа и Пантагрюэль : роман / Франсуа Рабле ; пер. с фр. В. Пяста. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 704 с. — (Азбука-классика).
ISBN 978-5-389-05259-8

Роман «Гаргантюа и Пантагрюэль» — самое значительное произведение великого французского писателя эпохи Возрождения Франсуа Рабле. Первая книга этого романа «Повесть об ужасающей жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля» вышла в свет без малого пять сотен лет назад. К ней добавились еще четыре книги, и постепенно выстроилась целая династия обжор-великанов, любящих жизнь со всеми ее радостями: король Грангузье, его сын Гаргантюа и сын Гаргантюа Пантагрюэль. И с тех самых пор люди зачитываются, хохочут до слез или задумываются над этим великим романом, а произносятся фразы: «Аппетит приходит во время еды» или «Все приходит вовремя, если люди умеют ждать», мы даже и не подозреваем, что первым их сказал именно он — Франсуа Рабле.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНСУА РАБЛЕ
ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

Подписано в печать 03.10.2017.

Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 31,02. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AKB-12343-03-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, non-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/